

Книга американского морфолога Грегори Стампа "Словоизменительная морфология. Теория структуры парадигм" является полным и единообразным изложением оригинальной теории словоизменительной морфологии, которую автор разрабатывал в течение последнего десятилетия (см. такие работы, как [Stump 1991; 1993a; 1993b; 1995]). Эта теория, в отличие от некоторых других зарубежных концепций морфологии - например, "естественной морфологии" (*natural morphology*, см. [Dressier et al. 1987]), "распределенной морфологии" (*distributed morphology*, см. [Halle, Marantz 1993; Harley, Noyer 1999]), "сетевой морфологии" (*network morphology*, см. [Corbett, Fraser 1993; 1995; Корбет, Фрэзер 1997]) - не имеет пока большого числа последователей, хотя интерес к ней имеется, см., например [Booij et al. (eds.) 2003]. Тем не менее, вне всякого сомнения, теория Г. Стампа является значительным явлением в современной морфологии и не может не представлять интереса для российских лингвистов.

В книге очень сжато, но при этом ясным языком и с предельно четкой аргументацией и богатым иллюстративным материалом из различных языков Г. Стамп излагает основные положения своей теории и те явления, которые, как он показывает, она описывает лучше, чем другие концепции морфологии. Нельзя не отметить, что развитой формализм теории Стампа, который на первый взгляд может отпугнуть неподготовленного читателя, при более подробном рассмотрении оказывается понятным и логичным. Необходимо подчеркнуть, что формальный аппарат своей концепции Г. Стамп рассматривает лишь в качестве удобного и наглядного средства проверки и доказательства делаемых утверждений, а не в качестве самоцели. Все содержательные положения теории Г. Стампа можно сформулировать, и не прибегая к столь громоздким формальным средствам записи.

Излагаемая в книге теория относится к классу формальных теорий, широко распространенных в зарубежной морфологии. Формальные теории ставят своей задачей создание единообразных правил, с помощью которых можно породить все существующие словоформы некоторого языка; однако основная их цель - сформулировать универсальные принципы, регулирующие формат и способ применения таких правил. Эти принципы призваны объяснять, почему из многих логически возможных в естественных языках

морфологических структур реально зафиксированы лишь некоторые. При том, что формальный подход к описанию и объяснению морфологических фактов может вызывать серьезные претензии (см., например [Плунгин 1998]), его несомненным достоинством является возможность непосредственной эмпирической проверки всех утверждений теории, которая не всегда возможна при нечетких и расплывчатых формулировках.

Концепция, излагаемая в книге, называется "Теорией парадигматических функций" (*paradigm function morphology*, далее PFM); центральные ее понятия - (словоизменительная) парадигма, определяемая как множество пар вида <словоформа, множество граммем¹, и парадигматическая функция (*paradigm function*) вида $PF(X, a) = (F, o)$, где X - основа некоторой лексемы, а - некоторая грамматическая характеристика (множество граммем), а F - словоформа этой лексемы, имеющая данную грамматическую характеристику. Основная задача книги - показать, что понятия парадигмы и парадигматической функции не могут быть устранены из теории словоизменения, претендующей на простое, непротиворечивое и полное описание фактов естественных языков. Кроме того, другая важная цель исследования заключается в том, чтобы сформулировать ряд универсальных принципов, накладывающих строгие ограничения на структуру парадигм и парадигматических функций; без таких ограничений теория попросту не имела бы объяснительной силы.

Подобный взгляд на словоизменительную морфологию, ставящий во главу угла понятие парадигмы, а, например, не морфемы, не нов (хотя и не общепринят); разные версии так называемой "словесно-парадигматической" теории (*word-and-paradigm theory*) интенсивно разрабатывались в лингвистике начиная с конца 1960-х гг.; из основных зарубежных работ можно называть [Matthews 1972; Thomas-Flinders, ed. 1981; Carstairs 1987; Anderson 1992; Aronoff 1994]; из русских - [Зализняк 1967]. Важное отличие "словесно-парадигматических" теорий от других концепций словоизменения заключается в скептическом отношении приверженцев первых к универсальной значимости понятий "морфема",

¹ Термином "граммема" я перевожу английский термин *morphosyntactic property*.

"структура слова", "морфемное членение", поскольку эти понятия неодинаково легко применимы к агглютинативным языкам типа турецкого и флективным языкам типа русского или латыни. Именно языки второго типа служат традиционным "полигоном" для "словесно-парадигматических" теорий. В основе этих теорий лежит понятие словоформы, которая рассматривается не как комбинация линейно вычлененных знаков-морфем с четкими значениями, а как результат действия определенного набора так называемых реализационных правил (*realization rules*), служащих для выражения (*exponence*) некоторого набора граммем. Вопрос о том, какое выражение имеет данная граммема и с какими граммемами соотносится данное выражение, в "словесно-парадигматических" теориях либо не ставится вовсе, либо является второстепенным (ср., однако [Carstairs 1987]). На первый план выходят проблемы упорядочения и взаимодействия реализационных правил друг с другом и с иными типами правил, например, с морфонологическими - как и вообще все вопросы, касающиеся сходств и различий между словоформами, не сводимых к поиску формальных коррелятов семантических сущностей.

Концепция, излагаемая в рецензируемой книге, во многих аспектах отличается от классического "мейнстрима" "словесно-парадигматических" теорий как по степени формализации, так и содержательно, и потому заслуживает особого внимания.

Книга состоит из восьми глав. В первой, **вводной главе** (*Inferential realizational morphology*) автор определяет место своей концепции в распространенной в формальной морфологии классификации морфологических теорий. Согласно этой классификации, теории делятся на лексические (*lexical*), центральным понятием которых является морфема - полноправная единица словаря, имеющая определенные форму и значение, и инференциальные (*inferential*), в основе которых лежит более общее понятие морфологического правила. И лексические, и инференциальные теории подразделяются на два подтипа. Теории, относящиеся к подтипу инкрементальных (*incremental*), утверждают, что словоформа имеет грамматическую характеристику не изначально, а приобретает ее по мере присоединения аффиксов или действия других морфологических процессов. Напротив, реализационные (*realizational*) теории утверждают, что морфологические процессы могут применяться к слову лишь постольку, поскольку того требует уже имеющаяся у данного слова грамматическая характеристи-

ка; важным следствием из этого является отсутствие в реализационных теориях непосредственного семиотического отношения между граммемами и словоизменительными средствами.

Затем Г. Стамп приводит разнообразные аргументы в пользу того, что инференциально-реализационные (= "словесно-парадигматические") теории - к которым относится и PFM - есть наиболее адекватное средство описания морфологических явлений. Так, только эти теории могут без проблем "справиться" с таким частым явлением, как множественное **выражение** (*extended exponence*) грамматической характеристики в данной словоформе. В первой главе также формулируется несколько базовых положений, свойственных всем инференциально-реализационным теориям, в частности:

- "нет никакого теоретически значимого различия между аффиксальным и неаффиксальным словоизменением" (с. 9);
- "морфологическая структура слова, не являющегося композитом, не отличается от его фонологической формы" (с. 12).

Оба эти утверждения требуют некоторых комментариев; смысл первого из них заключается в том, что для теории не имеет никакого значения, чем именно выражается данная граммема: аффиксом или чередованием. Это различие, напротив, является очень важным в лексических теориях, которые подчас не признают несегментных словоизменительных средств. При том, что с формальной точки зрения различие между аффиксальным и неаффиксальным словоизменением действительно нерелевантно, есть серьезные основания полагать, что это противопоставление тем не менее является существенным и позволяет сделать некоторые важные обобщения (ср. [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1994]). Второе утверждение касается проблемы внутренней структуры слова и морфемного членения, в частности, вопроса о том, может ли реализационное правило апеллировать к элементам, меньшим, чем основа, поступающая ему на вход (например, может ли реализационное правило иметь такой вид: "множественное число выражается с помощью аффикса X, если основа содержит аффикс Y, и с помощью аффикса X в прочих случаях"). Решение этого вопроса в рамках "словесно-парадигматических" теорий обычно было отрицательным (ср. [Anderson 1992]), что вызвало резкую критику ввиду наличия множества явных контрпримеров (см. [Carstairs-McCarthy 1992]); Г. Стамп дает менее жесткую формулировку этого принципа, разрешая реализа-

ционными правилами обращаться к внутренней структуре композитов.

Во второй главе ("Paradigm functions") формулируются основные принципы собственно PFM и вводится понятие парадигматической функции, которое затем эксплицируется на примере подробного анализа глагольного словоизменения болгарского языка. Парадигматическая функция конкретного языка определяется с помощью реализационных правил, необходимых для порождения словоформы с данной грамматической характеристикой от основы данной лексемы. Существует два основных типа реализационных правил, различие которых восходит еще к знаменитой статье [Zwicky 1985]: правила, вводящие показатели тех или иных граммем (*rules of exponence*) и "ссылочные правила"² (*rules of referral*), сообщающие о том, что данное множество граммем имеет ту же реализацию, что и некоторое другое множество граммем. Ссылочные правила являются основным средством описания разнообразных явлений синкретизма или омонимии словоформ, однако применяются и в других случаях (см. ниже). Реализационные правила организуются в блоки (*blocks*) таким образом, что "правила, принадлежащие одному блоку, конкурируют (*compete*) за то, чтобы занять одну и ту же позицию в последовательности правил, определяющих словоизменительную форму слова" (с. 44). Проблемы выбора между конкурирующими правилами подробно рассматриваются в главе 3.

Помимо собственно реализационных правил, для правильного порождения всех словоформ данного языка необходимы также и морфонологические правила (*morphophonological rules*), не выражающие никаких граммем, но лишь преобразующие результат действия реализационных правил. В PFM морфонологические правила непосредственно связаны с реализационными правилами при помощи так называемых "морфологических метаобобщений" (*morphological metageneralizations*): "для любого реализационного правила R существует неупорядоченное множество Φ_R морфонологических правил, ограничивающих значение R в любом случае его применения" (с. 47). Фонологическая форма результата применения R изменяется при помощи всех применимых к ней правил из Φ_R . Тем самым, решаются многие проблемы, с которыми не могли справиться порождаю-

щие теории морфологии, оперировавшие понятием "упорядочения аффиксов" (*affix-ordering generalisation*), требовавшего прямого соответствия между порядком применения морфонологических правил и порядком аффиксов в словоформе, что является слишком сильным требованием, опровергаемым большим числом языковых данных (см. с. 47).

Как уже было отмечено, парадигматическая функция данного языка определяется при помощи реализационных правил. Парадигматическая функция должна быть устроена так, чтобы она была применима к любой паре вида <основа, полное множество граммем³> и при этом позволяла, чтобы

(i) "словоформы, занимающие одинаковые клетки в разных парадигмах (т. е., относящиеся к разным лексемам. — П.Л.), порождались в результате применения различных реализационных правил" (с. 51);

(ii) сходство словоформ, занимающих различные клетки в одной парадигме, не выглядело как случайное совпадение.

Оба эти условия выполняются при помощи так называемого "принципа Панини", гласящего, что

"значение парадигматической функции для произвольной пары <основа, множество граммем> всегда является результатом применения наиболее специального (*narrowest*) правила из каждого блока правил" (с. 52).

Реализационное правило R_x является более специальным, чем реализационное правило R_y , если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

(i) множество граммем, реализуемое при помощи R_y является собственным подмножеством множества граммем, реализуемых при помощи R_x

(ii) класс лексем, к которому применимо R_y , является собственным подмножеством класса лексем, к которому применимо R_x .

Такой способ построения парадигматической функции предполагает, что для любой пары вида <основа, множество граммем> в любом блоке правил существует одно и только одно правило, которое, во-первых, применимо к этой паре, а во-вторых, является наиболее специальным из всех правил, применимых к этой паре. В тех же ситуациях, когда такого правила не оказывается, применяется универсальное тождественное правило (*identityfunction default*), являющееся

² Перевод этого термина на русский язык предложен в статье [Корбет, Фрэзер 1997].

³ Полным (*complete*) называется множество граммем, составляющее исчерпывающую грамматическую характеристику словоформы.

наименее специальным из всех реализационных правил; результатом его применения к произвольной паре $\langle X, \text{множество граммем} \rangle$ является, по определению, та же самая пара. Построенная таким образом парадигматическая функция обеспечивает правильное порождение всех словоформ всех лексем данного языка. В последующих главах книги обсуждаются более частные вопросы, связанные с различными ограничениями, накладываемыми на устройство парадигматических функций, а также с некоторыми морфологическими проблемами.

Третья глава книги ("*Rule competition*") посвящена проблеме выбора конкретного реализационного правила в ситуации конкуренции правил. Из двух возможных способов выбора – непосредственного линейного упорядочения правил, принятого в более ранних версиях "словесно-парадигматических" теорий, или же применения принципа Панини, выделяющего наиболее специальное правило, – автор следует второму. Не вдаваясь в подробности аргументации Г. Стампа и приводимых им примеров (систем глагольного согласования алгонкинского языка патаватомии и грузинского языка), укажу основное и несомненное достоинство избранного им подхода: вместо произвольного упорядочения реализационных правил для каждого блока правил в каждом языке PFM содержит простой и универсальный принцип, накладывающий очень строгие ограничения на структуру реализационных правил, в частности, следующее (с. 73): если Q и R – реализационные правила, принадлежащие к одному блоку B ,

то для любого выражения X и любой грамматической характеристики a ,

либо ни g , ни R не применимы к паре $\langle X, o \rangle$,

либо Q и R оба применимы к $\langle X, a \rangle$ и

либо одно из них более специально, чем другое,

либо в блоке B существует третье правило S , такое что S применимо

к $\langle X, a \rangle$ и S более специально, чем Q и R .

Это ограничение на реализационные правила существенно сужает варьирование возможных грамматик, построенных в терминах PFM.

В четвертой главе ("*Headedness*") рассматривается явление "вершинного маркирования" (*head marking*)* грамматической

характеристики у производных слов, т. е., несколько изменяя формулировку, точного наследования производной лексемой словоизменительного типа производящего слова; к кругу проблем, связанных с вершинным маркированием, относятся, в частности, такие вопросы, как описание словоизменения приставочных глаголов в английском и немецком языках и известное явление "словоизменения внутри словообразования". Основная проблема, которую вершинное маркирование ставит перед PFM, заключается в том, что это явление явным образом противоречит тезису об отсутствии внутренней морфологической структуры слова. Например, как можно объяснить, почему форма прошедшего времени от английского глагола *understand* 'понимать' выглядит как *understood* (ср. *stand* – *stood* 'стоять'), а не **understanded*, не позволяя реализационному правилу применяться непосредственно к корню-вершине слова, как бы "не замечая" префикса? Цель автора – разработать такую теорию вершинного маркирования, которая бы адекватно решала эту проблему. Г. Стэмп отвергает как неадекватную реальным фактам выдвигавшуюся ранее гипотезу о вершинных операциях (*head operation hypothesis*), заключающуюся в том, что свойство вершинного маркирования приписывается конкретным реализационным правилам; прямым следствием этой гипотезы является предположение о том, что результатом применения некоторого реализационного правила всегда будет либо наличие вершинного маркирования, либо его отсутствие, что неверно для многих языков. Взамен автор выдвигает принцип введения вершины (*head application principle*, с. 115):

если вершиной основы Y является основа Z , и Y является основой с вершинным маркированием, то вершиной любой словоформы в парадигме Y является соответствующая словоформа в парадигме Z .

Тем самым, сущность понятия вершинного маркирования в PFM заключается в том, что деривационное правило применяется фактически не к основе производящей лексемы, от которой затем образуются словоформы производного слова, а к каждой словоформе производящего слова. Принцип введения вершины не требует обращения к внутренней структуре сложного слова, позволяя сформулировать следующее ограничение на реализационные правила:

"реализационное правило, применимое к сложному выражению X , не может быть определено так, чтобы действовать на собственной части $X-a$ " (с. 135).

* Термин *head marking* в понимании Г. Стампа не следует смешивать с омонимичным термином, обозначающим выражение синтаксического отношения при вершине словосочетания, см. [Nichols 1986].

Не останавливаясь на разборе Г. Стампом возможных контрпримеров к разработанной им теории вершинного маркирования, покажу один класс явлений, с которыми, по-моему, она не справляется и которые все же требуют признать реальность внутренней морфологической структуры (сложного) слова. Рассмотрим русские возвратные глаголы, не имеющие невозвратного коррелята: *бояться, смеяться, улыбаться* и т. д. Они вне всякого сомнения обладают свойством вершинного маркирования (ср. хотя бы пару *смеяться* ~ *высмеять*, имеющие тождественные словоизменительные свойства), но никаким образом не могут быть получены при помощи принципа введения вершины ввиду того, что для них не существует производящих лексем, из словоформ которых можно было бы получить соответствующие словоформы возвратных глаголов. Можно с уверенностью предполагать, что подобные явления не являются редкостью в языках мира (ср. хотя бы аналогичные и даже более сложные явления в литовском языке), и потому для их адекватного описания необходимо модифицировать принцип введения вершины и признать существование морфологической структуры слова.

Пятая глава ("*Rule blocks*") посвящена различным проблемам, возникающим при объединении правил в блоки и упорядочении этих блоков. К таким проблемам относятся: существование "портманто"-блоков (*portmanteau rule blocks*), вводящих аффиксы, одновременно относящиеся к нескольким смежным позиционным классам; параллельные блоки, вводящие аффиксы, одинаковые по форме и при этом реализующие разные граммемы; обратимые блоки, не связанные ни с какой конкретной аффиксальной позицией в словоформе. Отказ от непосредственной связи конкретного блока реализационных правил с той или иной аффиксальной позицией позволяет дать адекватное решение в каждом из описанных случаев, для чего широко используются ссылочные правила, которые, как видно, нужны не только для описания омонимии в парадигмах.

В шестой главе ("*Stem alternations*") Г. Стамп рассматривает вопросы, связанные с так называемым "морфонным" (*morphomic*, см. [Aronoff 1994: 25]) распределением основ внутри парадигмы: морфонным называется такое "различие в распределении основ", которое "не следует ни из какого систематического различия в значении или грамматической характеристике, ни из фонологических соображений" (с. 169). На примере распределения так называемых "сильных" и "слабых" основ в санскритском склонении, автор пред-

лагает оригинальную теорию чередований основ. В частности, Г. Стамп подробно и убедительно аргументирует необходимость различать и отдельно описывать процессы образования основ и их индексацию (*indexing*), т.е. соотнесение с теми или иными клетками в парадигме. Кроме того, он показывает, что чередования основ в санскрите не могут быть описаны как результат действия фонотактических ограничений, упрощающих труднопроизносимые звуко сочетания, но являются сугубо морфологическим феноменом.

Седьмая глава ("*Syncretism*") целиком посвящена явлению синкретизма, т.е. омонимичного выражения различных комбинаций граммем. Г. Стамп выделяет два основных вида синкретизма в зависимости от того, какими типами правил они описываются: направленные (*directional*), возникающие в результате действия ссылочных правил, и ненаправленные (*nondirectional*). Направленные в свою очередь подразделяются на однонаправленные (*unidirectional*), когда ссылка всегда происходит от одного множества граммем к другому, но не наоборот, и двунаправленные (*bidirectional*), когда имеются два контекстно распределенных ссылочных правила противоположной направленности. Ненаправленные случаи синкретизма также бывают двух видов: незаданный (*unstipulated*) синкретизм, возникающий в тех случаях, когда в языке попросту нет таких реализационных правил, которые могли бы различить некоторые множества граммем⁵, и симметричный (*symmetrical*) синкретизм, описываемый при помощи метаправила, устанавливающего ненаправленное отношение тождества между реализациями двух разных множеств граммем.

Важно отметить, что "различие между синкретизмом, затрагивающим целые словоформы (*whole-word syncretisms*) и синкретизмом, затрагивающим только отдельные блоки правил (*block syncretisms*)" (с. 218) не является в PFM теоретически значимым: "можно выдвинуть гипотезу, что синкретизм словоформ является просто таким случаем синкретизма блоков правил, при котором каждый блок следует одной и той же модели синкретизма" (там же). Это положение является вполне разумным и мотивированным с точки зрения PFM, но его никак нельзя признать адекватно отражающим реальные факты ес-

⁵ Все остальные случаи синкретизма, эксплицитно вводимые в описание морфологии данного языка, называются заданными (*stipulated*).

тественных языков; все исследования синкретизма, проводившиеся в последние несколько десятилетий (см., например [Carstairs 1984; 1987; Plank 1979; 1980; 1990; 1991]), исходят из принципиальной разницы между полным совпадением словоформ и совпадением их отдельных частей; в частности, лишь первое имеет вполне определенные диахронические последствия и лишь на первое накладываются довольно строгие синхронные ограничения. То, что эти значимые факты игнорируются PFM, является ее несомненным и серьезным недостатком.

Важная гипотеза Г. Стампа, касающаяся синкретизма, связана с понятием доминанции (*dominance*), введенным еще Л. Ельмслевом [Hjelmslev 1935: 107-109]. Доминантными (*dominant*) называются граммы, общие для омонимичных словоформ, а подчиненными (*subordinate*) - те, что их различают. Г. Стамп накладывает весьма сильное ограничение на допустимые в данном языке типы синкретизма, формулируя принцип упорядочения грамматических категорий (*feature ranking principle*)

"Для любого языка L имеется упорядочение $>$ грамматических категорий в L , удовлетворяющее следующему условию: для любого заданного случая синкретизма S в $L >$ если доминантные граммы S относятся к категории F_a , а подчиненные граммы S относятся к категории F_b , то $F_a > F_b$ " (с. 239).

Из этого принципа вытекает, что если в некотором языке есть синкретизм падежей при доминантной граммеме числа, то в этом языке невозможен синкретизм чисел при доминантной граммеме падежа. Это безусловно интересное обобщение требует строгой эмпирической проверки; по крайней мере, мне известны данные, которые, возможно, могли бы противоречить *feature ranking principle*, например, древнеанглийское склонение, в котором наблюдается как падежный, так и числовой синкретизм, см., например [Plank 1987; 1990].

В заключительной восьмой главе ("*Conclusions, extensions, and alternatives*") Г. Стамп предлагает краткое резюме основных положений разрабатываемой им теории, а также рассматривает возможные расширения ее применения, в частности, вопрос о существовании словообразовательных парадигм, устройство которых регулировалось бы теми же принципами, что и структура словоизменительных парадигм. Помимо этого, Г. Стамп проводит подробное сравнение PFM с другой инференциально-реализационной теорией - так называемой сетевой морфологией (см. выше) - и показывает, что при определенных весьма существенных различиях две концеп-

ции весьма близки друг к другу, что позволяет автору утверждать: "концептуальная близость PFM и сетевой морфологии показывает, что мы уже чего-то достигли в нашем понимании фундаментальных принципов, регулирующих словоизменение в естественных языках" (с. 276).

Центральное достоинство концепции, основные положения которой я попытался кратко изложить выше, заключается, на мой взгляд, в том, что, анализируя разнообразнейший и сложнейший языковой материал (достаточно лишь перечислить некоторые языки, на примерах из которых автор строит свое изложение: болгарский, русский, бретонский, санскрит, патаватом, грузинский, лингала, берберский), Г. Стамп показывает, что словоизменительная морфология и структура парадигм в языках мира организованы в соответствии со сравнительно небольшим числом универсальных принципов, накладывающих существенные ограничения на допустимые естественные языки и их возможные описания. Более того, все положения PFM, будучи эксплицитно и единообразно сформулированы, допускают непосредственную эмпирическую проверку на соответствие как тем фактам, к которым апеллирует автор, так и тем, которые он не учитывает. Читатель, не испытывающий страха перед формализацией и склонный рассматривать морфологию не как набор случайных фактов и конкретно-языковых особенностей, за которыми не стоит никакая более глубокая реальность, а как полноправный компонент универсальной грамматики, несомненно, получит от чтения книги Г. Стампа не только пользу, но и удовольствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1967 - А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
 Корбет, Фрэнсер 1997 - Г.Г. Корбет, Н.М. Фрэнсер. Компьютерная лингвистика и типология // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
 Плунгян 1998 - В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семантика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
 Anderson 1992 - S.R. Anderson. A-Morphous morphology. Cambridge, 1992.
 Aronoff 1994 - М. Aronoff. Morphology by itself: Stems and inflectional classes. Cambridge (MA), 1994.
 Booij et al. (eds.) 2003 - Morphology and linguistic typology. Mediterranean morphology meeting, 4, Catania, September 2003 / Ed. by

- G. Booij, A. Ralli, S. Scalise, S.C. Sgroi. Catania, 2003.
- Carstairs 1984 - A. Carstairs. Outlines of a constraint on syncretism // *Folia linguistica*. V. 18. 1984.
- Carstairs 1987 - A. Carstairs. Allomorphy in inflexion. London, 1987.
- Carstairs-McCarthy 1992 - A. Carstairs-McCarthy. Morphology without word-internal constituents: a review of Stephen R. Anderson's *A-Morphous morphology* // *Yearbook of morphology* 1992 / Ed. by G. Booij, J. van Marie. Dordrecht, 1993.
- Carstairs-McCarthy 1994 - J. Carstairs-McCarthy. Inflection classes, gender, and principle of contrast // *Language*. V. 70. 1994. № 4.
- Corbett, Fraser 1993 - G.G. Corbett, N. Fraser. Network morphology: A DATR account of Russian nominal inflection // *Journal of linguistics*. V. 29. 1993.
- Corbett, Fraser 1995 - G.G. Corbett, N. Fraser. Gender, animacy, and declension class assignment: a unified account of Russian // *Yearbook of morphology* 1994 / Ed. by G. Booij, J. Van Marie. Dordrecht, 1995.
- Dressier et al. 1987 - W.U. Dressier, W. Mayerthaler, O. Panagl, W.U. Wurzel. Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Halle, Marantz 1993 - M. Halle, A. Marantz. Distributed morphology and the pieces of inflection // *The View from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvian Bromberger* / Ed. by K. Hale, S. Keyser. Cambridge (MA), 1993.
- Harley, Noyer 1999 - H. Harley, R. Noyer. State-of-the-article: Distributed morphology // *GLOT* 4.4. 1999.
- Hjelmslev 1935 - L. Hjelmslev. La categorie des cas. Pt. I. Aarhus, 1935.
- Matthews 1972 - P.H. Matthews. Inflectional morphology: A theoretical study based on aspects of Latin verb conjugation. Cambridge, 1972.
- Nichols 1986 - J. Nichols. Head-marking and depending-marking grammar // *Language*. V. 62. 1986.
- Plank 1979 - F. Plank. The functional basis of case systems and declension classes: from Latin to Old French // *Linguistics*. V. 17. 1979. № 7/8.
- Plank 1980 - F. Plank. Encoding grammatical relations: Acceptable and unacceptable non-distinctness // *Historical morphology* / Ed. by J. Fisiak. The Hague, 1980.
- Plank 1987 - F. Plank. Number neutralization in Old English: failure of functionalism? // *Explanation and linguistic change* / Ed. by W. Koopman, F. van der Leek, O. Fischer, R. Eaton. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Plank 1990 - F. Plank. Paradigm arrangement and inflectional homonymy: Old English case // *Papers from the 5th International conference on English historical linguistics* / Ed. by S. Adamson, V.A. Law, N. Vincent, S. Wright. Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Plank 1991 - F. Plank. Rasmus Rask's dilemma // *Paradigms: The economy of inflection* / Ed. by F. Plank. Berlin, 1991.
- Stump 1991 - G.T. Stump. A paradigm-based theory of morphosemantic mismatches // *Language*. V. 67. 1991.
- Stump 1993a - G.T. Stump. On rules of referral // *Language*. V. 69. 1993.
- Stump 1993b - G.T. Stump. Position classes and morphological theory // *Yearbook of morphology* 1992 / Ed. by G. Booij, J. van Marie. Dordrecht, 1993.
- Stump 1995 - G.T. Stump. The uniformity of head marking in inflectional morphology // *Yearbook of morphology* 1994 / Ed. by G. Booij, J. van Marie. Dordrecht, 1995.
- Thomas-Flinders, ed. 1981 - Inflectional morphology: Introduction to the extended word-and-paradigm theory / Ed. by T. Thomas-Flinders. UCLA occasional papers № 4: Working papers in morphology. 1981.
- Zwicky 1985 - A.M. Zwicky. How to describe inflection // *Proceedings of the 11th annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1985.

П.М. Аркадьев